действительности по самой своей сути отлично от него, происходит тотчас же, как только идея (как тайный вожатый в конкретном деле) оказывается несостоятельной. Механизм не только начинает работать вхолостую, но и сама жизнь утрачивает свою истинность.

Непродуктивные учреждения оказываются не просто лишними, но парализуют жизнь.

В основе своей абстрактная аргументация стремится к истинному учреждению как к тому, что необходимо создать. В поле ее зрения в первую очередь попадают не люди с их духовным уровнем, их сущностью, умением и возможностями, а школа как аппарат.

В полемике она имеет обыкновение бороться с тем, что сама же делает и поощряет.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Тезисы" были написаны в конце июля – начале августа 1933 г. В наследии Ясперса они представлены лишь как Typoskript, который содержит немногочисленные рукописные исправления. В письме Хайдеггеру от 23 августа 1933 г. Ясперс определяет текст как "записанный и необработанный" В этом письме Хайдеггеру он пишет, что "составил текст, чтобы сделать Вам предложения по поводу реформы медицинского образования" В приложении к "тезисам" можно прочесть: "Эти заметки были подготовлены в июле для общества хайдельбергских преподавателей, которые в дискуссии должны были выявить то существенное, в чем, по их мнению, нуждалась высшая школа. Общество, прежде чем начать свою работу, распалось по личным мотивам".

[2] *Hatwany L.* Die Wissenschaft des nicht Wissenswerten. Ein Kollegienheft. Leipzig, 1908; 2 vermehrte und veränderte Aufl. München, 1914.

Оба издания имеются в библиотеке Ясперса, в обеих книгах есть его пометки, подчеркивания, аннотации. Можно быть уверенным, что намек относится к этой книге.

[3] *Böckh A.* Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften / Hg. E. Bratuschek. Leipzig, 1877.

[4] Отсутствует пассаж в 13 строк (вырезано). В регистрационной карточке, видимо, с указанием на это обстоятельство, записано: "кое-что вырезано для университетской речи 1945 года". – Имеется в виду речь "Обновление университета", с которой Ясперс выступил по случаю возобновления деятельности Хайдельбергского университета с медицинскими курсами.

"ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ" (1933) ЯСПЕРСА В КРИТИЧЕСКОМ СРАВНЕНИИ С РЕКТОРСКОЙ РЕЧЬЮ ХАЙДЕГГЕРА[1]

Ханс Занер

В письме Хайдеггеру от 23 августа 1933 г., поблагодарив за полученный им экземпляр ректорской речи[2], Ясперс сообщил, что в конце июля и начале августа написал работу, цель которой – "разработать и пред-

© H. Zaner, 1995
© В. Кононов, перевод, 1995

ставить Вам предложения по реформе медицинского образования" Но оказалось, что разработать эти реформаторские предложения можно только в единстве с "размышлениями об университете в его целостности", и поэтому медицины как таковой он в конце концов вообще не коснулся. Это "лишь набросанное, но неотработанное" сочинение он оставляет у себя в рабочем столе. "Я не посылаю его Вам. Когда Вы навестите меня в следующий раз, я покажу его Вам, если Вы того пожелаете"[3].

Это сочинение, "Тезисы к вопросу об обновлении высшей школы", хранилось в наследии Ясперса как 27-страничный Typoskript с немногочисленными рукописными поправками[4]. При нем имеется набросок письма, которое по всей видимости, предназначалось для министерства в Карлсруэ. В письме излагается иная версия возникновения тезисов: заметки были подготовлены в июле для "Общества преподавателей Гейдельбергского университета", в ходе дискуссии членов общества следовало выявить то существенное, в чем, по мнению преподавателей, нуждалась высшая школа. По личным мотивам общество распалось раньше, чем начало свою работу[5].

Это письмо так и осталось только наброском. Создается впечатление, что решение об использовании "Тезисов" Ясперс хотел предоставить Хайдеггеру. Во всяком случае, в верхней части письма стоит рукописная пометка:

"Не отослано:

1) Хайдеггер – из моего письма – знает об этом и *может*, если того хочет, поставить правительство в известность.

2) Без соответствующего предложения я ничего не могу предпринимать, так как говорят, что меня как не состоящего в партии и женатого на еврейке только терпят и что я не могу вызывать доверия"

Хайдеггер не ответил на благодарственное письмо Ясперса[6]. Так как они больше не встречались, "Тезисы" остались лежать в столе непрочитанными. Можно было бы их там и оставить как документ, не возымевший действия. То, что мы теперь поступаем иначе, имеет под собой прежде всего два основания:

а) "Тезисы" – единственный аутентичный документ, из которого мы можем узнать, каким было отношение Ясперса к реформе университета непосредственно после захвата власти национал-социалистами.

б) Мы вправе с уверенностью предположить, что здесь идет непрямой диалог с Хайдеггером. 27 мая Хейдеггер произнес свою ректорскую речь, о которой Ясперс получил общее представление "из газет"[7]. Затем, в конце июня, в Гейдельбергском университете Ясперс слышал до сих пор еще не опубликованный доклад Хайдеггера "Университет в новом рейхе"[8], который тот сделал, откликнувшись на приглашение студенческого объединения. Хайдеггер заночевал тогда[9] у Ясперса и после лекции состоялись их последние беседы друг с другом[10]. В земле Баден уже велись работы по созданию нового университетского уложения; оно восходило к предложению Хайдеггера, непосредственное участие которого в разработке уложения было значительным. Имея в виду как раз университетское уложение, Ясперс и писал свои "Тезисы" (и это третья версия их возникновения), поскольку, как казалось, было желательно,

чтобы все университеты страны принимали участие в работе по подготовке реформы. И еще: он считал своим "долгом" донести до ответственных за реформу лиц то, что "сегодня могут сказать исследователи, опираясь на свой опыт"[11]. Незадолго до того, как появился набросок письма Хайдеггеру, в гейдельбергских газетах в полном объеме было опубликовано упомянутое университетское уложение земли Баден – первое в рейхе[12]. За день до этого оно уже вступило в силу, однако до проведения единой реформы в границах всего рейха должно было носить предварительный характер. Таким образом, оставалось время для внесения корректив. Поэтому Ясперс информировал Хайдеггера о существовании своей рукописи "в надежде, что тот затребует ее и окажет дальнейшее содействие"[13], т.е. выступит в качестве посредника для передачи ее в Карлсруэ (может быть, также и в Берлин).

Следовательно, ректорская речь Хайдеггера, с одной стороны, университетское уложение – с другой, а также "Тезисы" – это появившиеся почти одновременно документы, свидетельствующие о начале преобразования немецкого университета. Имеет смысл читать документ, вышедший из-под пера Ясперса, помня о существовании двух других. В сравнении четче обозначаются отличия его реформаторских предложений.

Однако имелись ли вообще достойные упоминания различия? В процитированном ранее письме Ясперс писал также о ректорской речи и о новом университетском уложении. Он хвалил и то и другое, хотя и с оговорками.

Ректорская речь, читаем в письме Ясперса, своим великим обращением к истокам греческой античности "вновь тронула его как новая и одновременно само собой разумеющаяся истина" И поскольку позволительно надеяться, писал Ясперс, что Хайдеггер путем "философской интерпретации осуществит" эти начала, речь обладает "достойной доверия субстанцией" "Я не говорю о стиле и поэтичности, которые – насколько я вижу – делают эту речь пока единственным документом академической воли, который останется в истории. На моем доверии к Вашему философствованию... не отразятся некоторые особенности этой речи, которые есть дань времени, не повлияет на него и то в ней, что представляется мне несколько преувеличенным, а также те предложения, которые, как мне кажется, не наполнены содержанием. Как бы то ни было, мне доставляет только удовлетворение, что кто-то умеет говорить, затрагивая вопрос о подлинных границах и истоках"

Как понимать это чередование похвалы, критики и вновь похвалы? Все зависит от истолкования. Но оно будет в определенной степени убедительным лишь тогда, когда станет ясной картина тогдашних взаимоотношений двух философов.

10 марта 1933 г. Ясперс пригласил Хайдеггера к себе в гости в Гайдельберг: "Мы так долго не говорили друг с другом... что необходим какой-то толчок, чтобы мы вновь нашли точки соприкосновения. Поскольку и прежде добиваться этого удавалось не благодаря нашим сочинениям, а только в ходе бесед, то так, скорее всего, останется и в будущем. Если письменные сочинения имеют тенденцию отчуждать, то

тем в большей степени слово должно объединять нас. В конце концов мы есть нечто большее, чем то, что мы пишем"

Хайдеггер принял приглашение и 18-го марта приехал в Гейдельберг на 4 или 5 дней. Его письмо Элизабет Блохманн от 30 марта дает нам представление о том, что принесли ему эти дни: "Дни, проведенные с Ясперсом, были для меня очень важными", – писал Хайдеггер. «Я видел, что о "духовной ситуации времени" можно писать, не будучи затронутым тем, что в действительности происходит – или же только зная об этом.

Хотя разница в возрасте едва ли составляет 10 лет, мы принадлежим к различным поколениям; к тому же в мире Ясперса не нашлось места миру греков – что в это всемирно-историческое мгновение нынешнего развития на Западе равнозначно, по моему убеждению, катастрофе.

Но человеческая высота и чистота его помыслов уравновешивают эти недостатки, которые обусловливают противоположность наших философских взглядов»[14].

Когда вчитываешься в эти строки, воспринимая их в контексте всего письма, то обнаруживаешь, помимо этого, некоторые косвенные упреки: в мышлении Ясперса отсутствует, де, единящая сила, в основе которой лежит вглядывание в тут-бытие, Dasein. На нем стоит печать бледности и расплывчатости мира просвещения и либерализма. В конечном счете оно является "литературным делом" – делом, стоящим вне времени, – а это значит: вне начала (т.е. не ведущим свое происхождение от греков), вне настоящего (т.е. не имеющим твердых оснований в Dasein) и вне будущего (т.е. не обдумывающим опыт настоящего исходя из будущего). Хайдеггер полагал, что при таких предпосылках ровным счетом ничего нельзя предпринимать. *Поэтому* он не проявил интереса к "Тезисам" Расправа не свершилась только из уважения к личности.

Ясперс, со своей стороны, в одном из писем фиксировал свое внимание прежде всего на личном аспекте встречи: "Мне доставляет удовольствие вспоминать дни, проведенные с Вами. Я благодарен Вам за то, что мы вновь были откровенные друг с другом, доверяли друг другу. В те мгновения молчаливого вслушивания друг в друга, которые я не забуду, Вы позволяли мне, как это уже иногда бывало, заглянуть в истоки Ваших идей, мыслей, но теперь – когда все повторяется и усиливается, – это для меня еще более значимо"[15].

Благодаря такому подходу "с новой силой"[16] вырастало доверие – как он заявлял об этом впоследствии – также и к философствованию Хайдеггера, хотя оно было для Ясперса чуждым.

Сказанное проясняет вопрос о том, как следует понимать ясперсовскую похвалу ректорской речи: исходя из доверия к изначальному в учении Хайдеггера, все интерпретировать в его пользу, отодвигая в сторону содержательные сомнения относительно программы; если и указывать на имеющийся в ней ложный пафос, то считать его моментом незначительным, в общем же принимать текст в ореоле его собственной силы[17].

Это должно было оказаться для Ясперса делом тем более легким, что многое в его "Тезисах" наводит на мысли о ректорской речи. Возможно, здесь – результат совместных бесед. Вероятно, он читал речь Хайдеггера

недостаточно внимательно для того, чтобы ясно и во всем объеме увидеть различия. Во всяком случае, на экземпляре с посвящением не видно никаких пометок, сделанных при чтении, во втором экземпляре немного подчеркиваний и ни одного замечания на полях. Читать-то он читал. Но действительным изучением речи он, вероятно, не занимался.

Оба они, как пишет Ясперс в одном из писем, были "захвачены временем"[18], и оба находились в первую очередь под воздействием странного профессорского ви́дения происходящего – как будто происходящее с университетом было фокусом эпохи. Если они вообще мыслили в политических категориях, то применительно к проблеме университета, которому они, конечно, придавали огромное общественное значение. Как средоточие воспитания духовной элиты и подготовки народа к деятельности в сфере духа он был тем местом, где в медиуме знания и наук должно было осуществить свой прорыв и стать действенным самосознание народа. Это *должно* происходить *по-новому*, потому что университет, как писал Ясперс, "вот уже на протяжении столетия... переживает постепенный, а в последнее тридцатилетие стремительный упадок"[19], все заметнее деградирует, предлагая познавать и изучать то, что этого недостойно. Университет должен был решить "высшую задачу", а проделал путь "глубочайшего падения"[20] – "падение свершилось" не по "вине кого-то"[21], а обусловлено беспочвенностью, нигилизмом самой технокультуры больших городов. На реформу, однако, нужно отважиться сейчас, потому что эпоха перелома дает бо́льший шанс для изменений. И поскольку эпоха наилучших шансов есть в то же время эпоха наивысшей опасности, университет, как считали оба мыслителя, пребывает в самом центре радикального кризиса в подлинном смысле слова и тут или "истинное обновление" – или "окончательная гибель"[22]. Реформа, таким образом, стала вопросом судьбы университета и самосознания всего народа.

Рамки, в которые были включены мысли о реформе, у обоих философов почти идентичны. Но Хайдеггер делал все публично, в виде программы, как глашатай новых времен, как человек, указующий путь к новому, Ясперс же делал это сдержанно-затаенно, поневоле скрыто, лишь внося коррективы в уже имеющееся развитие; один, таким образом, prometheisch, т.е. забегая мыслью вперед, другой epi-methisch, т.е. размышляя по поводу настоящего. Притом разум ни одного из них не был разумом бога – но лишь один из двоих не забыл этого.

Ход мыслей Хайдеггера таков.

"Принимая на себя ректорство"[23], он выстраивает "решающую проблему" университета: "Должна ли наука и впредь сохранить *бытие* в нашем мире, или мы должны попустительствовать ее быстрой гибели?"[24] Если она и в дальнейшем должна сохранить свое бытие, необходимо достигнуть ясности в отношении того, что же она есть. Эта ясность раз и навсегда заложена в истоках западного мышления. Отсюда, по мнению Хайдеггера, неизбежность обращения к грекам. Оно же раскрывает двойственный характер знания. Знание "куда более слабо"[25], чем Ананке – судьба, необходимость, но оно, упорно, непрерывно вопрошая,

сохраняет свои позиции "внутри постоянно скрывающегося сущего как целого"[26]. Если обратить взор на высказывание Ницше "Бог умер", то можно увидеть специфичное отличие современности от античного мира, и на фоне этого отличия ответ греков преобразуется применительно к настоящему. Наука *сегодня* – "совершенно необеспеченное состояние выдвинутости в сокрытое и неопределенное, т.е. сомнительное"[27]. Заслуживают сомнения, однако, "мирообразующие силы"[28] самого Dasein: "Природа, история, язык; народ, нравы, государство; поэтика, мышление, вера; болезнь, сумасшествие, смерть; право, хозяйство, техника"[29]. Уделяя основное внимание в своем вопрошании этим проблемам, наука сбрасывает с себя груз распыленности, случайных увлечений и парцеллярного деления по предметам. Великие вопросы университета суть великие вопросы народа в целом. Через их посредство наука обретает свою сущность. В этом *связывании* с *сущностным* заключается главный смысл реформы.

Хайдеггер ведет дело – и здесь выявляется огромное противоречие по отношению ко всему прежде сказанному – к *развернутому понятию науки*. Концентрация проблем науки на великих проблемах народа подводит науку, пребывающую в состоянии негативной свободы, к состоянию тройственной связи с народом.

Кто хочет быть в курсе запросов народа, тому должны быть известны, и не понаслышке, а через непосредственное участие, заботы, чаяния и умения всех сословий, всех членов и групп народа[30].

Кто посвящает свою жизнь духовной профессии, должен также доказать, что он "без остатка"[31] отдает себя борьбе за "честь и судьбу нации, живущей в окружении других народов"

Поэтому трудовая повинность и военная служба образуют два фланга службы знания, которая – в этом и заключается *ее* задача – и превращает народ в "духовный народ"[32].

Хайдеггер настоятельно подчеркивает, что эти три вида службы "равно изначальны", "одинаково необходимы и находятся на одном и том же уровне"[33]. В своей совокупности они представляют "единственно изначальную и полную сущность науки"[34], "осуществление которой поручено нам"[35]. И далее: "*Эта* наука имеется в виду, когда идут поиски сущности немецкого университета"[36].

Но что общего здесь с греческим толкованием науки? Ровным счетом ничего. Все, что Хайдеггер впоследствии привел в своих "Фактах и мыслях"[37] для объяснения этой трехчленной структуры, не является, если судить по тексту, убедительным. Расширение понятия науки было вторым смыслом его реформаторских усилий.

Третий смысл – это *аскетическое дисциплинирование жизни* учителей и учеников, которые должны "строить свою жизнь более просто, более сурово и с меньшими притязаниями, чем все остальные соотечественники"[38], с тем чтобы целиком посвятить эту жизнь выполнению своего подлинного предназначения.

Это "предназначение", однако, суть последний и все охватывающий смысл реформы: университет должен быть преобразован в "центр духовного законодательства"[39], через посредство которого: 1) он *сам себе*

устанавливает закон, то есть становится автономным и *сам себя утверждает* в качестве автономного, – а также 2) предоставляет *народу как "духовному народу"* закон и впечатывает тем самым его судьбу в "оттиск его истории"[40]. Путь к этому законодательству – ведущаяся с обеих сторон борьба учителя и ученика, которая должна пронизывать всю деятельность университета.

С полным пониманием принципов драматургии Хайдеггер в конце заново ставит решающий вопрос: "Хотим ли мы определить сущность немецкого университета, или мы этого не хотим?"[41]. Вопрос, который теперь становится идентичным вопросу: "сохранилось ли еще у нас, как у исторически-духовного народа, желание вновь обрести себя – или же мы более не хотим этого?"[42]. И затем – апофеоз о "великолепии" и "величии такого прорыва"[43], благодаря которому стараниями "молодой и совсем юной силы нашего народа, которая распростерла свои крыла над нами"[44], уже принято решение, что мы хотим быть самими собой, хотим, "чтобы наш народ исполнил свое историческое предназначение"[45]. Пусть под этим подразумевается кто угодно и что угодно – при чтении трудно воспринимать это иначе, чем апофеоз национал-социализма, к партии которого Хайдеггер принадлежал, и не просто как рядовой член, а прежде всего как ректор, как руководящее лицо.

Этому типу движения – когда вопрошая прокладывают себе путь, чтобы завершить его апофеозом настоящего, т.е. когда по видимости сетуют и жалуются, а по сути мыслят хилиастически, – Ясперс противопоставил свой стиль размышлений, по стилю не имеющий ничего общего с жалобами, но в итоге совпадающий с пророчествами в духе Кассандры.

Композиционно дело выглядит так, что он отправляется от *унаследованной* от прежних времен идеи университета, для того чтобы искать институциональные рамки для ее *нового* осуществления. В заключительной части, однако, речь идет исключительно об *опасностях,* которые уже видны в ходе этого нового поворота.

Унаследованная от прежних времен идея университета жива, так говорит Ясперс, неотделимостью "специального обучения" от "исследования" и "образования" (Bildung – слово, которое раздражало Хайдеггера). "Лучший исследователь" – это "и единственно хороший учитель"[46], каким бы неловким в смысле использования дидактических приемов ни был исследователь. Сообщество учителя и учеников, однако, должно осуществляться "неавторитарно"[47], "по форме на равных"[48], т.е. inter pares, следовательно, в соответствии с сократовскими принципами. Оно основывается поэтому на коммуникации, двигателем которой всегда выступают "духовная борьба"[49] и неограниченная свобода, постоянно связанная с опасностями произвола, пристрастий или увлечения чем-либо незначительным[50]. По поводу этой чреватой опасностью свободы Хайдеггер провозглашал: «Многократно воспетая "академическая свобода" вытесняется из немецкого университета; потому как эта свобода была неподлинной, ибо только отрицающей»[51]. Ясперс же весьма настойчиво защищает ее. Учащимся, исключительно во имя ответственности, должно

быть предоставлено право, хотя это и нежелательно, "быть отстающими ввиду недостаточного прилежания"[52] или "отсутствия инициативы"[53]. Приверженность сущностному также должна протекать из свободы, где нет места принуждению. Поэтому причина упадка университета – если видеть его вне эпохальной судьбы – никоим образом не таится в одной только негативной свободе, а в той же мере она кроется в обязательности образования. И если, как в условиях современной ситуации, создается положение дел, когда один человек – подразумевается, видимо, министр культов – безраздельно властвует над университетами, в случае приверженности этого человека свободе его власть может дать университету *тот самый* шанс; а если это человек иных ориентаций, то возникает серьезнейшая опасность для университета. Поэтому в качестве кризисного расценивается следующее соотношение: "Возможность истинного обновления немецкой науки является в то же время опасностью ее окончательной гибели"[54]. Это соотношение, однако, произвело на свет услышанный им же "вопрос судьбы"[55]: добьется ли новый "этос науки, возвращающийся к истокам"[56], "свободного осуществления"[57] или нет. Сотворение – оно всегда оказывается приобретением этого этоса, есть его задача в нынешней ситуации.

Для данной ситуации характерно произрастание из старой "основной идеи университета" новых "акцентов"[58]: "Наука обусловлена волей народа и государства..."[59]. Не противоречит ли это, в конечном счете, ее свободе? Ясперс ищет такое толкование, которое оставляет место свободе: То, что наука зависит от народа, означает, что она, в итоге, должна быть желательна народу. Его воление выражено в желании видеть науку конкретно, – а именно, "в повседневно действенном образе духовных профессий"[60]. В них он создает самого себя как духовный народ. Но он так же мало, как государство, знает о том, "что истинного есть в науке"[61] и каким путем она должна идти. Поэтому его воление не приводит к созданию *определенного модуса* науки, а только говорит о том, *что* наука должна быть; духовный уровень народа заключается в "поиске истины"[62].

Три "основных идеи университета" укоренены в самом народе:

1. Что истину всегда нужно искать: не ограничивая поиски "целями" и "не заботясь обо всех последствиях"[63];

2. Что воспитание следует осуществлять, имея в виду "идеи профессии"[64] – в медимуме этого открытого знания; и

3. Что идеи профессий в их совокупности, собранные воедино волей и стремлением народа, способствуют тому, что знание и наука вновь обретают Universitas: свои единство и цельность[65].

Каждый шаг здесь делается в диалоге с Хайдеггером. Неоспорима схожесть многих мыслей, и можно было бы найти еще большое количество совпадений. Различие, однако, становится заметным при взгляде на *смысл* реформы:

В ходе претворения в жизнь трех идей университета наука приобщается к самой сущности не через посредство "грубой житейской близости" к Dasein, а через посредство близости "к бытийным субстанциям"[66]

в *экзистенции* и *трансценденции*. – Понятие науки не *расширяет* себя исполнением каких-то жизненно важных услуг, а *очищает* себя путем освобождения от всех зависимостей. – Жизнь исследователя становится аскетичной не в угоду какой-то *одной* мысли, а одухотворяется *широтой* мышления. – Что же касается укорененности науки в народе, то эта укорененность не имеет ровным счетом ничего общего с законодательством – ни с установлением законов для университета со стороны народа, ни с установлением их университетом для народа. Укоренение вносит лишь "*новый акцент*" в *старую* идею, которая не претерпевает никаких субстанциальных изменений.

Вернемся еще раз к пассажу о трудовой повинности и военной службе. Ясперс включил его в рассуждения об институциональных изменениях, чтобы с самого начала разъяснить, что эти службы не имеют ничего общего ни с идеей университета, ни с понятием науки. То, что он вообще заговорил о них, имеет под собой совершенно иные основания, чем у Хайдеггера. Хайдеггер в первую очередь превратил это триединство как новое единство науки в нечто весьма значимое для университета. Он, без сомнения, был самым авторитетным идеологом этого триединства. В момент написания Ясперсом его "Тезисов" оно уже было составной частью деятельности университета. Ведь сообщество немецких студентов, как единственный совокупный представитель учащихся на территории рейха, в июне 1933 г. распорядилось о введении трудовой повинности для студентов. Вскоре последовало, согласно фрейбургской студенческой газете от 14 июля 1933 г., распоряжение правительства рейха о трудовой повинности и военной службе. Ввиду уже состоявшейся их институционализации Ясперс включил данную тему в свои "Тезисы"

Ясперс, как мы видели, допускал высказывания в том духе, что трудовая повинность и военно-прикладной *спорт* связывают "с действительностью"[67], что они подводят студентов к "ощущению сопричастности с основами тут-бытия и со всем народом"[68]. Но все же он был тверд в убеждении, что они не могут быть "частями университета"[69]: Они подчинены "сущности иной дисциплине"[70], которая не должна "в целях подражания переноситься в сферу научного воспитания"[71]. Если говорить открытым текстом, то это значит: они означают муштру и принуждение, а они суть враги духовной деятельности. Он считал также, что вынесение обеих видов службы за рамки университета диктуется также и физиологическими основаниями. Его единственной уступкой было согласие на то, чтобы в "ограниченном масштабе спорт"[72] входил в процесс обучения. Он намеренно не употребляет более термин "военно-прикладной спорт"

Все институциональные изменения он подчинил трем принципам:

Они должны быть в состоянии "дедуцироваться только из последних оснований идеи университета и не должны быть результатом деятельности ad hoc"[73].

На место вытесненного старого они должны поставить нечто в субстанциональном смысле лучшее, т.е. не должны быть просто актом отрицания.

Их следует понимать "как процессы движения"[74], которые, проникаясь

новым опытом, остаются открытыми для новых изменений. Ибо институциональные учреждения "никогда не есть сущностное"[75], а в лучшем случае представляют собой свод условий для формирования сущностного. Сущностное, однако, есть свобода и качество учения и исследования, направленные на посильное совершенствование.

В отношении профессорского состава – я останавливаюсь только на этом – это означает: "Должны быть устранены все формальные сложности, а также устранено как можно больше комиссий, контрольных проверок, инстанций, совещаний..."[76]; повсеместно следует укреплять стремление к "личному, ответственному решению"[77], что в особенности касается ректора и деканов, которые – за исключением приглашений на работу, конкурсов на замещение вакантных должностей, изменений уставов и предписаний, – не обязательно должны зависеть от решений большинства, но все свои решения должны представлять гласно и в письменном виде. Те профессора, которые в должностном отношении влияют на университетскую жизнь, обязаны периодически отчитываться. "Всем представителям профессий, для коих эти люди что-то сделали, должна быть предоставлена свобода подвергать все ошибки беспощадной критике, с которой.... надлежит ознакомить академическую общественность..."[78] За ошибки следует наказывать, причем все равно, будут ли это ошибки, "обусловленные характером или оценкой [ситуации]"[79], кроме того, необходима "инстанция, которая... может наказывать"[80]. Никого не вынуждают брать власть. Кто это делает, обязан знать, что он "берет на себя риск"[81]. Фюреры – также в университете – терпимы только при условии обязательной подотчетности и угрозы наказания. Принимая во внимание эти условия, Ясперс в упомянутом письме Хайдеггеру одобрил новое университетское уложение земли Баден и тем самым принцип фюрерства в университете как "аристократический принцип", даже если и делал это с "болью пиетета" и с "сожалением, что ныне явно и стремительно завершается великое время университета, о кончине которого мы знаем давно"[82].

К концу "Тезисов" у Ясперса также по-новому звучит решающий вопрос. Это вопрос о том, возобладает или нет решимость делать ставку на лучших, т.е. "будут ли созданы условия для духовного творчества или дело доведут до торжества школярского уравнительного принципа"[83].

Фактически положение дел таково, что из-за технизированного школярства снижается уровень университета; что новые, упрощенные учреждения поощряют именно то, с чем они хотели бы бороться; что "несамостоятельные умы"[84], используя университет, "назойливо, приспосабливаясь к духу времени, осуществляют свои программы"[85]; и что распространяется иллюзия, будто в университете "посредством политической борьбы сегодня можно кое-чего добиться"[86]. В факте зависимости университета от народа и от "надежной государственной воли"[87] должна, однако, присутствовать гарантия обратного – чтобы в "высшей школе царила не политическая борьба, а изначальный поиск истины, которому должна способствовать эта борьба"[88]. Разумная же политика вообще освобождает университет от политической борьбы.

Программная речь Хайдеггера и Кассандровы "Тезисы" Ясперса

различаются своими семантическими полями и различия текстов весьма существенны.

Язык Хайдеггера имеет волюнтаристскую окраску, пронизан бравурной тональностью, он решителен, резок, отличается повелительным, властным, воинствующим, в значительной мере даже милитаристским настроем. Он насыщен прилагательными в превосходной степени (44 на 11 стр. текста) и усиленно подчеркивает вертикальные структуры. Этот язык беспрестанно упирается как в мифические границы судьбы, так и в метафизические границы сущности, большое значение он придает народным и национальным предопределениям. В этой семантической мешанине возникают сомнительные предложения следующего типа:

"Сущность немецкого универститата только тогда обретает ясность, приличествующее ей место и *власть*, когда *фюреры прежде всего* и всегда сами становятся *ведомыми* – ведомыми *непреклонностью* той духовной *задачи*, которая *впрессовывает судьбу немецкого народа* в *оттиск его истории*"[89].

"*Немецкий* университет мы рассматриваем как высокого ранга школу, которая на основе науки и через посредство науки берется воспитать и *дисциплинировать вождей и хранителей судьбы немецкого народа*"[90].

"Если мы эту *сущность* науки возжелаем, то преподавательский корпус университета *должен* действительно *выдвинуться* вперед, *опасно приблизившись* к постоянной неопределенности мира"[91]. И т.д. и т.п. – можно брать любое предложение[92].

Возможно, эти и подобные им предложения имел в виду Ясперс, высказывая мягкие критические замечания о том, что многое в этой речи он воспринимает как "дань духу времени", как нечто "преувеличенное" и "не наполненное содержанием"[93]. В столь мягком тоне может высказывать свои суждения только тот, кто считает, что язык можно отделить от мысли. Так, конечно, может быть, но ни это допущение меньше, чем к какому-либо другому мыслителю, может быть отнесено к Хайдеггеру. И поэтому исследование словарного состава, анализ языка должны, видимо, привести к катастрофическому результату: ректорская речь – это документ ориентированной на миф и насилие национальной литературы, относящейся к эпохе начала упадка немецкого университета.

Языку принуждения соответствует закрытая форма речи. Она очень тщательно выверена драматургически и в этом своем построении обладает признаками целевого произведения искусства. Беда тому, кто поддастся ее внешней строгости.

В "Тезисах" Ясперса тут и там тоже встречаются такие национально окрашенные пустоцветы, как "немецкое знание"[94], "немецкая наука"[95] или "немецкая воля к знанию"[96], а предпочтение, оказываемое им "аристократическому принципу", конечно же, не может рассматриваться как демонстрация демократических идей. Но семантическое поле располагается по другую сторону от таких понятий, как "принуждение", "власть" и "насилие", никогда не обретает мифологической окраски, не пересыпано ссылками на судьбу. И волюнтаристическим оно становится только в том месте, где упоминается воля к знанию. Оно избегает всяких

преувеличений и отказывается от претензий на назидательность. В этом поле нет места истерии и опьянению – оно примечательно своей трезвостью, но в метафизическом плане оно все-таки не остается бескрылым. Литературная форма является открытой, незаконченной и "фрагментарной"[97], учитывается то, что реформа – длящийся процесс. "Тезисы" сознательно отказываются от литературной "отработанности", а "в настоящий момент" считают таковую даже "противной здравому смыслу"[98].

Различия семантических полей указывают на различные метафизические основания. У Ясперса это сплетение свободы, экзистенции, трансцендентности и разума; у Хайдеггера – переплетение народного Dasein, исторической задачи и воли к власти. В обоих случаях в центре внимания находятся – с точки зрения слов и подразумеваемой действительности – университет и наука, которые истолковываются с помощью отличных друг от друга пограничных понятий.

Поскольку обе работы вводят университетскую реформу в зону политического перелома, в отношении их правомерно поставить вопрос о том, были ли они по своей сути национал-социалистическими или, быть может, они способствовали развитию национал-социализма.

Однозначно ответить на этот вопрос по отношению к Хайдеггеру нельзя. Главная цель речи, ее устремленность – "самоутверждение немецкого университета" Тем самым в этой речи содержится протест против того, чтобы она была присвоена и использована партией. В ней присутствует полемика с "новым понятием науки"[99], которое выдвинули нацистские идеологи, она возводит принцип "собственной силы" и особенно настоятельно принцип "сопротивления" до "основного противоречия в процессе управления народом и в следовании народа за руководством"[100]. По своей насыщенности и мыслительной дисциплине она также стоит много выше всего того, что породила университетская партийная литература.

Но из-за наличия такого семантического поля и окружающих его фундаментально онтологических принципов речь Хайдеггера все-таки укладывается в русло нацистской литературы: кто торжествует по поводу "великолепия... и величия *этого* прорыва"[101], должен примириться с тем, что его причисляют к кругу тех, кто инсценировал сам прорыв. – Кто определяет "*духовный* мир народа" как "власть сил народа, верных почве и крови"[102], тот мыслит не просто национальными категориями, а расистско-национальными. – Кто в опьянении властью относит военную службу к "чеканящей силе"[103] науки, тот милитаризирует университет. И наконец, тот, кто, следуя какой-то программе, "вытесняет"[104] из университета академическую свободу, тот должен прослыть приверженцем тоталитаризма. Виражи такого рода утрачивают всякую безобидность, если распознать в них интегральные составные части стремительно распространявшейся в то время идеологии. В них заранее учитывается падение значимости университета в целом и они служат начавшемуся обвалу. Не может быть никакого сомнения в том, что эта речь содействовала нацификации немецкого университета и тем самым – расширению влияния национал-социализма. Министр культов земли Баден Ваккер

самым точным образом охарактеризовал эту речь: Она есть "своего рода приватный национал-социализм"[105].

Упрек никоим образом не относится к Ясперсу – ни в программном отношении, ни в семантическом, ни в метафизическом. Но почти невероятная отдаленность от политической реальности и упрямое нежелание ее воспринимать также бросают тень на его "Тезисы" В них ясно говорится, что противником, если иметь в виду реформы, является "не политическая власть", а "некие более широкие силы: незнание, враждебность к знанию и слепота"[106]. А в черновике сопроводительного письма можно прочесть, что его, Ясперса, предложения по реформе "не находятся в противоречии... с принципами, которые выдвигала до сих пор правительственная сторона" Когда Ясперс писал это, давно вступил в силу земельный "Закон о восстановлении профессионального чиновничества"[107], который был направлен прежде всего против политически неугодных лиц и чиновников еврейской национальности. Близкий друг, Густав Радбрух, был уже уволен, так же как бывший учитель Ясперса, психиатр Вильманс[108] и многие другие гейдельбергские профессора и доценты. Факультеты были унифицированы, т.е. их возглавили деканы, которые устраивали власть предержащих. Студентов-евреев хотя еще и зачисляли на учебу, но в немецкое студенческое сообщество более не принимали. В университетских городах давно проводились публичные сожжения книг, и лично Геринг уже назначил премию за голову Теодора Лессинга.

Тот, кто в этой ситуации во имя некого аристократического принципа одобрял новое университетское уложение – даже пусть и со значительными оговорками, – тот не только ошибался в оценке реальности, но и в мысли отделывался от нее. А ведь именно это уложение безоговорочно отдавало университет диктаторской власти.

Ощущение такое, будто вновь звучат слова Хайдеггера: "Я видел, что о "духовной ситуации времени" можно писать, не испытывая чувство сопричастности с действительно происходящим – или только зная о нем" Правда, к этому тотчас можно добавить: тем хуже для того мыслителя, который [как Хайдеггер] выступал с программными разработками, уже зная о происходящем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Доклад прочитан Х. Занером 6–9 ноября 1989 г. в Граце на международном конгрессе, посвященном Карлу Ясперсу.

[2] На экземпляре посвящение, написанное от руки: "С дружеским приветом. Хайдеггер"

[3] Примечание редколлегии "Историко-философского ежегодника": автор статьи Х. Занер цитировал переписку Хайдеггера и Ясперса по рукописному варианту тома, который готовился к изданию. В настоящее время переписка издана. См.: Martin Heidegger. Karl Jaspers. Briefwechsel. 1921–1963. Fr. a/M.; München; Zürich, 1990. В дальнейшем при цитировании указывается дата соответствующего письма, которое можно найти в данном издании.

[4] Karl Jaspers: Thesen zur Frage der Hochschulerneuerung // Jahrbuch der Osterreichischen Karl-Jaspers-Gesellschaft / Hg. E. Salamun-Hybašek, Kurt Salamun, Jg. 2/1989. Wien, 1989, 5–28 при цитировании далее: Thesen и номер соответствующей страницы немецкого текста.

[5] Nachlass Karl Jaspers. z. Zt. Universitätsbibliothek Basel (Наследие К. Ясперса, которое в настоящее время хранится в Библиотеке Базельского университета).

[6] Свое следующее письмо Хайдеггер написал 1 июля 1935 г., то есть почти два года спустя. В нем он ни словом не обмолвился о письме от 23 августа 1933, но говорил о "неудаче ректорства". Хайдеггер пишет следующее свое письмо 1 июня 1935 г., следовательно через два года. В нем речь идет вовсе не о письме от 23 августа 1933 г., а о "неудачах ректорства".

[7] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933 г.

[8] Guido Schneeberger: Nachlese zu Heidegger. Dokemente zu seinem Leben und Denken. Bern, 1962. 73 f.

[9] Ночью с 30 июня на 1 июля 1933 г.

[10] Ясперс сообщает об этих беседах. «Я сказал ему: ожидалось, что он выступит в защиту нашего университета и его великого наследия. Никакого ответа. Я говорил о еврейском вопросе, о злостной нелепице по поводу мудрецов Сиона, на что он ответил: "но ведь существует опасное интернациональное сообщество евреев". За столом он с некоторым оттенком злости в голосе сказал: это, де, безобразие, что так много профессоров философии, во всей Германии следовало бы оставить двоих или троих. "Кого же? – спросил я. Никакого ответа. – Как случилось, что Германией должен управлять такой необразованный человек, как Гитлер?" – "Образование совершенно ничего не значит, – ответил он. – Вы только посмотрите на его чудесные руки"» (записано Ясперсом в 1953 году).

[11] Thesen. S. 10.

[12] Heidelberger Tageblatt, 22 aug. 1933, 51. Jg., N 194. – Heidelberger Neueste Nachrichten, 22 aug. 1933, N 194.

[13] Karl Jaspers. Notizen zu Martin Heidegger / Hg. Hans Saner, München; Zürich 1978; 3. Aufl. 1989. N 165.

[14] Martin Heidegger / Elisabeth Blochmann: Briefwechsel 1918–1969 / Hg. J.W. Storck. Marbach; Neckar, 1989. S. 61.

[15] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 20 апреля 1933.

[16] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.

[17] В уже цитированной (см. сноску 13) записи под № 165 (в 1951 году) Ясперс вносит, правда значительно позднее (1961 г.), дополнительный нюанс: "...еще его ректорскую речь я пытался истолковать как шаг по направлению к лучшему. / Но в то же время я ему больше не доверял... Духовная высота не была потеряна, хотя содержание того, о чем он говорил и что совершал, понизилось до невыносимо низкого и чуждого уровня. / Несмотря на это, я не мог перестать воспринимать его серьезно, отныне как субстанциального противника, как медиума, представлявшего опасность, грозящую разрушением всего, что мне представлялось разумным".

[18] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 20 апреля 1933.

[19] Thesen. 8.

[20] Ibid.

[21] Thesen. 9.

[22] Thesen. 10.

[23] В дальнейшем ректорская речь цитируется по изданию фон Хермана (Франкфурт-на-Майне, 1983), которое включает также отчет Хайдеггера о ректорстве: "Факты и мысли" – "Fatsachen und Denken", сделанный в 1945 г. В дальнейшем ссылки на ректорскую речь Хайдеггера: R, с указанием страницы по названному изданию.

[24] R. 10.

[25] Этот сущностный для знания момент Хайдеггер заимствует из "Прикованного Прометея" Эсхила. Там сказано о teche, что оно много слабее, чем необходимость. "Отличительное свойство" знания, тем самым, черпается из приравнивания друг другу "techne" и "знания": Отождествление: techne–знание–наука затем облегчает перенесение сущностного для знания момента на саму науку, что, естественно, является в высшей степени проблематичным.

[26] R. 12.

[27] R. 13.

[28] Ibid.
[29] R. 13 f.
[30] R. 15.
[31] Ibid.
[32] Ibid.
[33] R. 16.
[34] Ibid.
[35] Ibid.
[36] Ibid.
[37] Cf. R. 27.
[38] R. 18.
[39] Ibid.
[40] R. 9.
[41] R. 19.
[42] Ibid.
[43] Ibid.
[44] Ibid.
[45] Ibid.
[46] Thesen. 6.
[47] Thesen. 8.
[48] Ibid.
[49] Ibid. 7.
[50] Ibid.
[51] R. 15.
[52] Thesen. 7 f.
[53] Ibid. 8.
[54] Ibid. 10.
[55] Ibid. 11.
[56] Ibid.
[57] Ibid.
[58] Ibid. 12.
[59] Ibid.
[60] Ibid.
[61] Ibid.
[62] Ibid. 13.
[63] Ibid.
[64] Ibid. 14.
[65] Ibid.
[66] Ibid.
[67] Ibid. 22.
[68] Ibid.
[69] Ibid.
[70] Ibid.
[71] Ibid. 23.
[72] Ibid.
[73] Ibid. 15.
[74] Ibid. 16.
[75] Ibid.
[76] Ibid. 20.
[77] Ibid.
[78] Ibid. 21.
[79] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
[80] Thesen. 21.
[81] Ibid.
[82] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
[83] Thesen. 26.
[84] Ibid.
[85] Ibid.
[86] Ibid. 26 f.
[87] Ibid. 27.
[88] Ibid.
[89] R. 9 (курсив Х. Занера).
[90] R. 10.
[91] R. 14.
[92] Silvino Vietta: Heidegger Kritik an Nationalsozialismus und an der Technik, Tübingen 1989, bes. 11f.
[93] Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
[94] Thesen. 11.
[95] Ibid. 10.
[96] Ibid. 12.
[97] См. сопроводительное письмо к "Тезисам" Ясперса (Beibrief zu den Thesen).
[98] Ibid.
[99] R. 10.
[100] Ibid. 18.
[101] R. 19 (курсив Х. Занера).
[102] R. 14.
[103] R. 18.
[104] R. 14.
[105] R. 30.
[106] Thesen. 11.
[107] Закон вступил в силу с 7 апреля 1933 г.
[108] Dorothee Mussgnug: Die vertriebenen Heidelberger Dozenten. Zur Geschichte der Ruprecht-Karl-Universität nach 1933. Heidelberg, 1988 (= Heidelberger Abhandlungen zur Mittlehren und Neueren Geschichte, Bd. 2). S. 47–50.